

Дарья Жолобова

Терпение и труд всё перетрут....

Тула
Издательство ТулГУ
2021

УДК 94(092-055.2)(470.312)
ББК 63.3-8(2Рос-4Тул)
Ж79

Автор: **Д.Е. Жолобова**

Ж79 Терпение и труд всё перетрут... Тула: Изд-во ТулГУ, 2021.
64 с.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке книги:
Виктору Толстых
Марии Берниковой (Жолобовой)
Владимиру Алешину
Владимиру Кокинскому
Нине Гейдэ

Моя мама, Лариса Николаевна Жолобова (в девичестве — Толстых), была творческим человеком, уже в юности у неё проявился талант художника. Она могла сделать прекрасную карьеру, но рождение ребёнка с ДЦП нарушило все планы и перевернуло всю её жизнь. Из отзыва Елены Поповой на эту книгу: «Это история жизни, борьбы, смерти, противоречия, поступков вопреки и по инерции, любви и, наверное, не любви, смирения и принятия. Это история жизни... Не простой семьи и не простого человека».

УДК 94(092-055.2)(470.312)
ББК 63.3-8(2Рос-4Тул)

© Жолобова Дарья, 2021
© Издательство ТулГУ, 2021

Предисловие

Эту повесть я начала в 2016 г., хотела написать её к годовщине маминей смерти, но не успела. И вот, скоро исполнится 6 лет, как мамы не стало. Маму звали Лариса Николаевна, она ушла в сравнительно молодом возрасте – в 59 лет. Это был очень неоднозначный человек, который никогда не сдавался, во всем пытался найти позитив, но отношения с ней подчас складывались весьма непросто.

О чем я хотела написать? О том, как сложно практически в одиночку растить двух дочерей, одна из которых – я – с тяжёлой формой ДЦП. Не знаю, будет ли это кому-то интересно, но, во всяком случае, когда-нибудь в глубокой старости (если я до неё доживу) я смогу прочитать эти записи и вспомнить, что когда-то был человек, который меня очень любил и жил для меня. Мама была моей главной опорой более 20 лет.

Были периоды, когда я очень злилась на её поведение и поступки, но потом поняла, что на самом деле все мы – люди – немного странные: знаем, как надо правильно поступать, а вот применить эти знания на практике у нас получается не всегда.

Она очень любила своих дочек и старалась быть хорошей матерью, не повторяя ошибок родителей. Но рутью могут потребоваться века, чтобы немного изменить русло, по которому он течёт. А у человека времени «на всё про всё» значительно меньше.

То, о чем здесь написано, я частично слышала от неё, кое-что из этого видела сама, в чем-то мне помогли отец, сестра Маша и мамин брат, дядя Витя. Спасибо вам огромное за недостающие фрагменты из её жизни, о которых я не знала.

Толстых Николай Павлович с сыном
Виктором

Толстых Анна Степановна (Барковская)

Николай Павлович с дочкой Ларисой

Часть 1

К сожалению, я мало могу рассказать о жизни мамы до моего рождения. Она родилась 28 апреля 1956 года в г. Коломыя Ивано-Франковской области в семье военных, где, кроме неё, был ещё ребёнок – старший брат Виктор, появившийся тремя годами раньше в г. Стрый. Мой дед, Николай Павлович Толстых, в то время служил в авиации бортехником на истребителе МиГ-15, потом МиГ-17, и его часть часто меняла дислокацию. Военные постоянно куда-то переезжали.

Потом семья жила в г. Чертков, в коммуналке. Ходили на речку, спускаясь с обрывистого холма, купались, ловили рыбу, обрывали орешники – счастливое беззаботное детство. Дед переучился на вертолётчика – сначала летал на Ми-4, потом на Ми-6. Переехали в военный городок Калинов. В школу мама с братом ездили за 10 километров в ближайший старинный город Самбор. В классах вместе с детьми военных учились и местные дети. Школа была русская, украинский язык преподавали как отдельный предмет. Никаких межнациональных конфликтов не возникало – это был единый Советский Союз.

О родителях мама нередко отзывалась с обидой: отец любимую собаку из ружья убил, её мать куклу фарфоровую разбила (в наказание), брат, когда их вместе фотографировали,

стискивал маму в объятиях до боли (дядя Витя лукаво добавляет: дескать, от любви). Когда она приехала к родителям после учёбы, моя бабушка, увидев дочь, с недоумением спросила: «Ты зачем приехала?»

Мама отмечала, что её больше любил отец, а брата – мать. Впрочем, Николай Павлович был своенравным человеком, и его любовь зиждилась на уверенности: «я старше, опытней и сам знаю, что для тебя лучше». Маленькой он дочь баловал, ласкал, но потом начались проблемы: стоило ей что-то сказать ему поперёк, так всё – «Остапа понесло...». К женскому разуму дед относился крайне пренебрежительно. Всю жизнь мама сопротивлялась его давлению и неуёмному желанию все решать за неё.

Дядя Витя рассказывает, что девочка она была привлекательная – как ангелочек, но с характером. Училась хорошо, прилежно. Во всем была исполнительна, чем частенько пользовался брат: когда родители, уходя на работу, давали им обоим задания по дому, Виктор умудрялся переложить всё на сестрёнку. Как он сам признается, за это ему до сих пор стыдно.

В пятый класс мама пошла в Польше, в Легнице – это старинный город Вроцлавского воеводства, известный тем, что в его окрестностях состоялась эпическая битва с татаро-монголами. Поселились в уютном доме на 4 семьи, рядом с домом был сад: яблони, груши, сливы, огромная черешня.

Учились в русской школе, всего в городе их было две – №30 СГВ и №32 СГВ (СГВ – это Северная группа войск).

Мама часто рассказывала одну историю. Однажды, когда ей было 14 лет, она спешила на автобус. Дошла до широкой дороги с оживлённым движением, а автобус стоял по другую сторону. Автомобили мчались туда-сюда, мама не могла пройти, а автобус всё стоял. Рядом с ним стояли молодые люди и отчего-то не заходили внутрь. Наконец, маме удалось перейти дорогу. Она подошла и спросила: «В чем дело, почему так долго стояли?» Оказалось, что все только её и ждали: молодые кавалеры подхватили её под локоток – и вовнутрь, после чего зашли сами, и автобус тронулся.

В молодости мама модничала: любила носить короткие юбки. Бабушка ей постоянно их удлиняла, а она – укорачивала, безжалостно отрезая надшитое.

Позже мама поступила в московский техникум по специальности «дизайнер обуви». Её удивлял контраст между москвичами и теми людьми, которых она знала раньше: москвичи оказались менее дружелюбными, более грубыми. Мама рассказывала, что однажды шла по тротуару, а навстречу, прямо на неё, шёл мужчина. Тротуар был узким – не разойтись. Мама была уверена, что человек уступит девушке дорогу, но он не только не посторонился, но и обматерил вдобавок. Мама была просто в шоке. По окончании учёбы в Москве она уехала

по распределению в город Фрунзе в Киргизии – сейчас это Бишкек.

Дед с бабушкой после его демобилизации обосновались в Туле. Потом переманили и дочь к себе, получив для неё по обмену отдельную квартиру. Брат Виктор стал жить в Санкт-Петербурге, где обзавёлся семьёй.

На новом месте мама вышла замуж за обувного мастера по имени Евгений Георгиевич Жолобов. Мне мама много не рассказывала про то время, но моя старшая сестра знает чуть больше меня. Они работали вместе, общались, гуляли в центральном парке и постепенно сблизились. Оба очень любили читать. Мама не раз говорила, что отец был абсолютно не в ее вкусе, и, если бы родители не вмешались, она, возможно, и не вышла бы замуж. «Повстречались бы – да, может, и разбежались бы», – вздыхала она. Но будущие родственники поладили между собой и, как это обычно бывает, ускорили дело.

Впрочем, мне кажется, мама сильно лукавила. Наш с Машей отец всегда был красавчиком: и тогда, и сейчас, в свои 60+. Таких время не портит. Спортсмен, начитанный, грамотный, с хорошо подвешенным языком, умеющий себя подать с выгодной стороны, отличный мастер (он до сих просто превосходно чинит обувь – профи в своём деле). До свадьбы и ухаживал, и цветы дарил, и говорил красиво. По маминим словам, отец умел вызвать в женщинах жалость и часто ей

рассказывал, как ему не повезло с бывшей женой: какая она была плохая и как его обижала. И глаза печальные при этом делал за стёклами своих очков. Мама слушала, верила – и ей было его жалко (она вообще была жалостливая). А от жалости до любви – один шаг. Впрочем, перед обаянием нашего отца и поныне устоять весьма непросто.

Одним словом, отец маму заговорил, и они поженились. Поначалу, когда отец в первый раз привёл её знакомиться со своей мамой (бабушкой Галей), той она очень понравилась: будущая невестка была в вязаном платье в обтяжку до середины икры, которое, по словам бабушки, очень ей шло; принесла коробку конфет с ликёром. Бабушке импонировала мамина простота и лёгкость в общении. Правда, позже, после свадьбы родителей, начались неприятности: бабушка Галя была помешана на чистоте, а мама – напротив, была небрежна. Их разногласия росли как снежный ком.

На свадебной фотографии наши с Машей родители очень хорошо смотрелись вместе: он высокий, она чуть ниже и оба – ужасно красивые. Первой родилась Маша. Отец записку прислал в роддом: «Если девочка – Машей назови». Через пять лет родилась я. Маша говорит, что хотела сестру Лену, а получила сестру Дашу. «Ну вот, путать будут!» – буркнула она. И нас действительно всегда путали.

Мать не раз признавалась, что впоследствии жалела и о переезде в Тулу, и о замужестве, но тут же всегда добавляла: «...Впрочем, тогда бы не было вас» (меня и Маши).

Лариса в детстве

Лариса в молодости

Свадьба Ларисы Николаевны и Евгения Георгиевича

Часть 2

Мама любила заниматься комнатными растениями, все подоконники были заставлены ими. Но после замужества растения почему-то стали у неё чахнуть и в итоге остались лишь самые стойкие: кактус, традесканция и денежное дерево, и ими занималась Маша в начальной школе.

Мама безумно любила натуральный кофе, сваренный в турке с корицей. Непременно начинала с него каждое утро и могла пить по несколько чашек в день. Рассказывала, что подседа на кофе, учась в техникуме. Отец говорит, она часто просила его сварить этот напиток.

До моего рождения мама работала модельером обуви. Дома в то время всегда пахло кожей, всегда был разложен стол-книжка. Мама делала чертежи, а отец вырезал по ним детали из кожи. Маше очень нравилось, когда мама брала её на свою работу: там были полки с колодками и работницы чем-то девочку всегда угощали.

Когда Маше исполнилось три года, семья поехала на юг. Мама редко ходила на пляж, говорила, что плохо себя чувствует. Зато вечером там, где они жили, собирались ещё женщины и все они пили вино.

Жару мама не переносила. Рассказывала, как однажды зашла в море, ей стало плохо, она начала тонуть. Её кто-то спас, но мама видела, как отец стоял на берегу и смотрел на это. Она

запомнила этот случай и ехидно потом говорила: «Ага! Хотел, чтоб я утонула!» Но специалисты уверяют, что на самом деле без особой подготовки легко можно не заметить, что человек тонет: ведь он, захлёбываясь водой, не может ни позвать на помощь, ни закричать. Плавает и плавает, ныряет, барахтается. Именно поэтому спасатели всегда начеку.

Маша была нормальным ребёнком, хотя врачи упорно пугали разными возможными патологиями. Но нет худа без добра: напуганная мать начала ею так заниматься, что Маша выросла крепкой, спортивной и с характером.

Со мной была обратная ситуация. «Мамаша, что вы плачете: у вас абсолютно здоровый ребёнок», – говорили ей обо мне. Но она видела, что что-то не так: странно, когда ребёнок в полгода не держит голову и весит 3,5 кг. «Кожа да кости». Мне кажется, врачи чего-то боялись. Может, опасались разбирательств, суда... Не знаю.

Я так полагаю, что беременность не проходила гладко, раз на восьмом месяце мама легла на сохранение. Где-то за неделю до срока ей зачем-то простимулировали роды. Это было воскресенье, дежурила медсестра и практикантка, которые «вызвали» роды нескольким роженицам без веских оснований (возможно, для большего количества родов в свою смену). И маму тоже чем-то обкололи так, что она плохо соображала.

Поскольку срок родов не подошёл, я ещё не перевернулась и лежала в положении «ножки вперёд», при

котором обычно показано кесарево. Но это, очевидно, никого не волновало. Первый мой выход в свет явно не удался: я получила кровоизлияние в мозг, в результате которого наступила клиническая смерть. Что было там, по ту сторону жизни, я не помню, но меня, как видите, откачали.

Что интересно, тогда у всего отделения родились рыжие дети, почти медные. Но через некоторое время эти рыжие волосы начали клоками выпадать, а на их месте – пробиваться генетически заложенные. Вероятно, в то время выбросы какие-то случились.

Врачи советовали оставить меня в роддоме. Дед и бабушка Галя поначалу склонялись к тому же. Но совесть не дала маме бросить собственного ребёнка на произвол судьбы. Она проигнорировала всех: и врачей, и родственников, разделявших их точку зрения. Дядя Витя рассказывал, что дед ему тогда позвонил и сказал, что вот, мол, врачи предлагают такой вариант. Но, получив в ответ решительное «Своих не бросаем!», вроде согласился.

Дальше начались больницы, врачи, а также, наверняка, сильнейшая послеродовая депрессия и шок. К тому же в это время сильно болела моя бабушка: она умерла, когда мне был год. Мама не раз упрекала себя, что в этот период оставила Машу на родственников.

Диагноз «детский церебральный паралич» (ДЦП) мне поставили лишь в год, когда драгоценное время было упущено.

Наконец, среди врачей, единодушно говоривших о моем абсолютном здоровье, нашёлся опытный независимый специалист, который признал очевидное. И хоть первый год – самый важный – был потерян, далее последовал долгий и тяжёлый труд по моему восстановлению. Чтобы ухаживать за мной, мама оставила свою работу. Все об этом жалели: она была по-настоящему художественно одарённым человеком.

Мы остались втроём: мама, Маша и я. С отцом они расстались, так как мирно жить у них не получилось. Отец утверждает, что мама его выгнала. Мама говорила, что он сам ушёл. В общем, она всегда была очень вспыльчивая, а проблемы со мной совсем вывели её из равновесия. Очень вероятно, что какое-то неосторожное слово или действие отца стало последней каплей. Я вполне могу представить, как все это было, и не виню ни маму, ни отца. Мне кажется, что их решение было правильным: хуже нет, когда папа и мама живут вместе, как кошка с собакой, ежедневно выясняя отношения.

Поначалу все было неплохо: отец приезжал к нам, мы – к нему. До официального развода я не помню, чтобы мама как-то настраивала нас против отца, хотя ругались они часто. Помню, как он сажал меня на плечи, брал Машу за руку – и мы шли в лес по грибы или на речку купаться. А ещё он нас с мамой иногда возил по врачам.

Когда мне было лет шесть, у них начался официальный развод. Разводились они долго и мучительно – уж не знаю, как

эта канитель могла растянуться на пять с лишним лет. Мне кажется, просто время было такое: денег ни у кого не было, кризис. Они друг друга не понимали, нас впутывали в это. Мама постоянно ездила на судебные заседания, возвращалась оттуда ужасно злая и срывалась на нас. Их разборки потрепали нам нервы, особенно Маше, которую дёргали из стороны в сторону. «Нет алиментов – нет детей» – такова была суровая мамина позиция. Отец, в свою очередь, говорил, что денег у него нет и что вообще, деньги не главное в жизни. Главное – честность и любовь.

Мне кажется, мама так категорично поступила потому, что у неё был тяжёлый опыт с собственным отцом, когда у того на стороне стали завязываться серьёзные отношения. Узнав об этом, мама тогда заявила нашему деду: «Или мы, или твоя женщина». Дед выбрал семью и не мог иначе, ведь семья для него всегда очень много значила: в своё время, ещё будучи подростком, ему приходилось работать бригадиром комбайнёров, чтобы кормить большую многодетную семью, в то время как её глава был на фронте. Поэтому мама была уверена, что если отец любит своих детей, то он последнее с себя снимет и им отдаст – потому что дед был таким. А если нет, то не любит. Проблема в том, что все люди разные: каждый любит как может и даёт сколько может.

Справедливости ради стоит заметить, что в итоге алименты все же были выплачены. Отец нам, бывало, даже что-

то покупал: Маше подарил фотоаппарат на тринадцать лет (который она долго прятала от мамы), мне купил тренажёры, купил нам игру «Денди», из-за которой мама подняла жуткий кипиш: она плакала и угрожала этой игрой нас теперь кормить на завтрак, обед и ужин. В итоге «Денди» отвезли деду и там «резались», когда гостили у него.

Но так или иначе отношения с нашим отцом были у мамы непоправимо испорчены: до конца своей жизни она не могла о нем и слышать. Хотя иногда признавалась, что тоже во многом вела себя неправильно. Мама вообще умела признавать свою вину и неправоту – но только задним числом, когда ничего уже не исправить.

Да, девяностые были непростыми: мама много лет себе носки купить не могла и ходила во всем заштопанном-перештопанном – всё на нас уходило. Но мы выжили. Дедуля нам очень помогал. Хотя они «собачились» постоянно: дед был тяжёлым и порой грубым человеком из-за трудного военного детства и непростой службы в армии. С ним очень сложно было договориться. Но при этом он всегда был где-то рядом с нами. Он мне рассказывал, что однажды так и заявил нашему отцу: «Я никогда этого не допущу [чтобы Лариса нуждалась], никогда их не брошу». И, действительно, несмотря на ужасные скандалы и ссоры, дед сдержал свое слово. Хотя очень часто мне хотелось, чтобы и его не было с нами, потому что это как палка о двух концах: с одной стороны помощь, а с другой – вечные склоки.

Ещё дед зачем-то часто выступал в суде на стороне отца, маму это страшно обижало. Словом, нам явно не хватало мира в семье.

Получив подтверждение моего диагноза, мама начала со мной активно заниматься и ездить в санаторий «Юность». Так у нас проходили дни, месяцы и годы: до вечера занимаемся гимнастикой – сначала в санатории, потом дома; вечером гуляем. Она ездила в этот санаторий не только со мной, но и с мешками пелёнок и игрушек. Ездила летом и зимой, в дождь и в снег, в хорошем самочувствии и с обострениями хронических заболеваний. Все своё детство я провела в трамваях...

Я помню, что, когда росла, постоянно чувствовала себя диковинкой. Дети, которые меня не знали, вечно показывали пальцем, а их родители смотрели с недоумением, будто никогда ничего подобного не видели. После двухтысячного года ситуация стала меняться: люди стали терпимее, отзывчивее. В девяностые же нам часто хамили и грубили – особенно в транспорте. Как-то был случай, когда нас даже вытолкнули из трамвая. Мама с детской коляской начала выходить (тогда не было низкопольного транспорта), кому-то сзади показалось, что она выходит слишком медленно, и её толкнули. В полете она умудрилась перевернуться на 180 градусов, в результате чего сама упала на спину, а я в коляске свалилась на неё.

В другой раз мама сама не уследила: заплетая Маше распутившуюся косу, она забыла поставить коляску на тормоз,

и та поехала по наклонной. Я расшибла бровь – она ниточкой свисала. Бедной сестре досталось ни за что. Хорошо, мы были на остановке «Плеханова» рядом с поликлиникой, бежать пришлось недалеко. Помню, просыпаюсь, надо мной врачи в хирургическом обмундировании шуруют инструментами, а в углу мама сидит и плачет.

Проходная комната нашей двухкомнатной квартиры была заставлена разнообразными гимнастическими приспособлениями. Чего мама со мной только не делала! Я, конечно, заниматься категорически не хотела: плакала, орала, чтобы от меня отстали – тогда меня «брали силой и измором» и подносили к носу кулак. Помню, она меня как-то в наказание даже к ножке стола привязала эластичными бинтами и сделала вид, что ушла... Правда, через пять минут вернулась. Мама мне всегда говорила, что я её потом благодарить буду. В то время мне в это как-то не верилось.

Как-то, когда мы ещё ездили к отцу и к бабушке Гале, я ей даже заявила, что уеду жить к тётке Свете (на тот момент – будущей мачехе), потому что «она добрая и не ругается», и начала деловито собирать игрушки в сумку. Мама ничего на это не сказала и преспокойно позволила копаться в своих вещах. Мне даже стало обидно: хотелось услышать «нет, я тебя не отдам», но во время конфликтов маме не свойственно было идти на уступки и показывать слабость. Она молчала-молчала с неприступным видом, потом вдруг заходит ко мне и говорит:

«Слушай, может ты сначала пообедаешь, а уйдёшь потом?» Ох уж и хитрые они, эти мамы!

Сначала результатов по моему восстановлению не было. Первое время я была совсем «никакая», «овощ», спастичный скелет, обтянутый кожей, способный лишь лежать и орать. Окружающие смотрели скептически на мамины старания. Но она не отступала и всячески заставляла меня двигаться. Например, раскидывала игрушки по комнате, чтобы я за ними ползла. Когда мне было три года, мама куда-то отбежала, а по возвращении обнаружила, что я впервые самостоятельно воспользовалась горшком. Помню, её счастьем не было предела! Так, в этом возрасте я встала, в три с половиной – начала разговаривать, в четыре – сделала шаг, в пять – уже ходила и бегло читала, в шесть, когда мама подвернула ногу и спала, самостоятельно ушла к соседям. Мне за это здорово досталось! Ходила я медленно, но зато ровно – все сухожилия были растянуты, всё выпрямлялось. Смутно вспоминаю, как на первых порах она, обложив меня подушками со всех сторон, сидела передо мной на полу с расставленными ногами и руками и, стараясь особо не дышать (так как меня могло свалить даже лёгкое дуновение или резкий звук), уговаривала меня сделать шажочек...

В те годы она отдавала все свои силы мне. Не представляю даже, откуда в ней взялось столько сил и упорства. Она мне все твердила: «Терпение и труд все перетрут» и

«Терпи, казак, атаманом станешь». Она особо не церемонилась, часто была достаточно жёсткой со мной. При этом мама любила нас, как умела, и заботилась о нашем будущем: она всегда говорила, что родители нужны, чтобы подготовить детей к взрослой самостоятельной жизни. И, когда я на улице исследовала кочку, а бабки кричали ей: «Что ты сидишь: смотри – упадёт же!», она спокойно отвечала: «Как упадёт – так встанет». Первое, чему она научила меня, – это правильно падать. Второе – встать.

У меня был астматический бронхит – вероятно, следствие нахождения на ИВЛ после рождения. Стоило мне заболеть, он меня начинал душить, это было страшно. Я думала, что задохнусь и умру. Врачи говорили, что меня надо всячески оберегать от переохлаждения, сквозняков и т. п. Но вместо этого мама меня закаляла, обливая холодной водой, всегда одевала по погоде и делала мне массаж грудной клетки, которому специально научилась. К шести годам этот недуг ушёл.

Кроме того, мама меня научила кататься на велосипеде – ещё до того, как я толком ходить начала. Сначала она просто ставила дома трёхколёсный велосипед на подставку, чтобы переднее колесо на весу было, и привязывала мои ноги к педалям бинтами, брала каждую из них и собственноручно крутила, крутила, крутила... Потом два года по улице возила меня, держа за руль, пока я не сообразила, в чем суть. Мама

хотела, чтобы я могла одна гулять и общаться с детьми без её непосредственного участия, чтобы я научилась контактировать с людьми и адаптировалась в обществе.

Благодаря ей я почти не чувствовала себя «не такой, как все»: я была полноценной частью детского коллектива, могла принимать участие практически во всех играх – где моим ногам не хватало скорости, помогал велосипед. Я лазила по деревьям, падала с велосипеда, постоянно была ободранная и в синяках – в общем, все как полагается нормальному ребёнку. Вот тогда я осознала, что «мучила» она меня не зря, и сказала ей: «Спасибо!».

На работе

Маша и Даша

Часть 3

К сожалению, Машу она забросила, предоставила её самой себе. И с гордостью рассказывала всегда, что Маша – самостоятельная: в сад – сама, в школу – сама, в институт – сама. Везде и всюду – сама. Впрочем, к этому неизменно примешивалась доля сожаления.

Периодически мама «сдавала» нас деду и, пока мы были там, отсыпалась, делала генеральную уборку и другие дела. По ее словам, первые дни она совершенно забывала о нашем существовании, а потом словно лампочка загоралась: «Где мои дети?» Я любила возвращаться домой: мама была отдохнувшая, ласковая, везде порядок. Раз я приехала – а у моей детской кроватки вытащены несколько деревянных перекладин, чтобы я могла вылезать из неё сама. В другой раз нам с Машей объявили, что мы будем спать вместе в одной комнате. Над нашим диваном мама повесила интересный ковёр с оленями, а над ковром – детские картинки с мультяшными героями, которые Маша очень скоро заменила портретами солисток «Spice Girls», Лео Ди Каприо, Наталии Орейро и другими плакатами из молодёжных журналов.

После моих шести лет темп наших с мамой реабилитационных мероприятий снизился, где-то в этом возрасте она перестала меня возить в санаторий и отдала в школу, на надомное обучение. Первого сентября я, как и все, в

школьной форме с бантами и с цветами шла за руку с мамой на линейку. Школа была совсем рядом, буквально за углом. Я даже в классе за партой посидела, невообразимо гордая собой.

Ещё мама очень хорошо рисовала. Это было её даром. Она обожала черчение и могла «на глаз» все отмерить, без линейки. Особенно часто она рисовала лица людей – они у неё получались выразительными. Она часто доводила мои самые бессмысленные творения до красивых картинок, довольно точно угадывая, что я хотела изобразить.

Мамин творческий взгляд на вещи преображал буквально все. Какое-то время ко мне ходили специалисты из Дома творчества, но этими поделками занималась больше мама, чем я. Она всегда что-то выдумывала, лепила из пластилина фигурки, делала различные аппликации, «3D-картинки» из подручных материалов: круп, семечек, косточек. Делала куклы из старых носков. Любому фантику она могла найти достойное применение. Зная моё увлечение пистолетами, делала мне луки и рогатки и тщетно пыталась научить стрелять. А сколько она вещей нашла и навязала для наших кукол! Целый мешок.

Вообще, до детей мама почти всю одежду себе вязала и шила сама, и ей это очень нравилось. На столе всегда стояла швейная машинка «Подольск-142» в чемоданчике, готовая к «бою». Потом на себя времени уже не хватало – лишь на кукольные одёжки. В шкафу долгие годы лежал недовязанный

зелёный свитер, пока его не съела моль. И куча мотков шерсти – их тоже съела моль.

А вот готовить мама терпеть не могла и готовила лишь самое необходимое. Очень редко могла испечь шарлотку – по вдохновению. Помню, я любила её дерунки, но и их она делала нечасто. Лучшее всего у мамы получались супы – даже бабушка Галя (прекрасная кулинарка) это признавала. Борщ, рассольник с почками и домашняя лапша были её коронными блюдами, секретам приготовления которых её обучила бабушка Клава. Но у мамы не хватало терпения на то, чтобы учить Машу готовить, и она выгоняла всех из кухни. Она вообще не выносила, когда кто-то наблюдал за её действиями: все сразу шло наперекосяк. Секрет борща и лапши Маша смогла выпытать у неё, лишь став взрослой, – её в основном бабушка Галя готовить учила. Мне же вообще пришлось самой все постигать: я на кухне была ещё менее желанна.

У нас никогда не закрывалась дверь. Если соседи обнаруживали, что дверь закрыта, они полагали, что дома никого нет, и уходили. Правда позже, когда по округе начали ходить свидетели Иеговы, мама дверь все-таки стала запирать. У деда периодически возникало подозрение, что мама состоит в какой-то секте, и, не добившись у неё признания в сем факте, он загадочно начинал выспрашивать у меня, не ходит ли к нам «кто-нибудь». Но так как я все отрицала, он принимался за опрос соседей.

Мама же не нуждалась ни в каких сектах: напротив, она всегда говорила, что хотела бы жить на необитаемом острове или в лесу – вдали от всех. Однако люди сами к ней тянулись. Мама умела слушать и много знала, к ней все ходили выплакаться или за советом. Она могла пойти в магазин и застрять на час, потому что знакомая из киоска попросила ее посидеть с ней: дескать, когда мама рядом – покупателей больше. У нас не было мусоропровода, приходилось ходить за гаражи в пяти минутах от дома – там была свалка. Мама почему-то стеснялась выносить мусор днём и шла туда чуть ли не на ночь глядя. Но, несмотря на позднее время, все равно она часто задерживалась: её то одна знакомая остановит, то другая. Много раз, гуляя допоздна, я наблюдала эту картину. С мамой даже отпетые хулиганы всегда уважительно здоровались.

Когда однажды мама задержалась и я разнылась, она хмыкнула: «Да кому я нужна, нищая старуха такая?» А ей не было ещё и сорока пяти...

Приходили иногда и «женихи». Помню одного, хирурга, – вполне интеллигентного такого дядечку из соседнего подъезда, он со мной какое-то время гимнастику делал. Но мама так и не впустила никого в свою жизнь, боясь, что это может внести ещё бóльшую сумятицу в нашу семью. Ведь мужчина должен был сначала полюбить её детей, а такое – редкость.

Праздники – Новый год и дни рождения – у нас были всегда весёлые. Мама считала, что посиделки со взрослыми –

слишком скучно для детей, поэтому готовила много вкусной еды и уходила к соседям на весь день или на всю ночь – в зависимости от праздника. К нам приходила детвора, и мы творили что хотели. Бывало, сначала заявлялось одно количество приглашённых, а в процессе, с балкона, зывалось ещё больше народу: дескать, идите к нам, у нас весело!

Время от времени у нас на кухне собиралась компания соседей и проходили «заседания» с вином. Но «в стельку» пьяной мы маму никогда не видели: так, чуть захмелевшая была и все. Ей мало надо было. Часто шутила, что ей достаточно пробку понюхать и она уже «готова». Честно говоря, я любила, когда мама выпивала: она становилась очень ласковой, расслабленной и весёлой.

В гости мама ходила неохотно, в основном, только по необходимости или если «затащит» кто к себе. Рассказывала, как однажды, придя домой, обнаружила меня под шкафом: я как-то умудрилась просунуть свою головёнку между ножек шкафа и тумбочки, а вытащить не могла. Я хрипела и была уже сине-пурпурно-малинового цвета. С тех пор в сердце мамы поселился страх за меня и остался на всю жизнь. Даже когда я повзрослела, мама просто так одна нигде не гуляла и предпочитала оставаться дома, при мне.

Мама курила и стеснялась этого. Когда Маша в первый раз нечаянно зашла на кухню, где мама курила, та на неё накричала – боялась, что дочь увидит. С тех пор, почуяв запах

дыма, Маша старалась на кухню не заходить. Я думаю, мама просто не хотела подавать дочери дурной пример: известно же, что детям можно говорить все что угодно, но впитают они то, что видят.

Когда я росла, мама уже не пыталась это скрыть – бесполезно же. Помню, когда мы были с дедом на даче, она меня просила постоять на страже, пока она покурит: скрывала от деда эту привычку. Но много позже он все-таки узнал об этом. Забавно было видеть, как дедуля пытался отчитывать свою пятидесятилетнюю дочь за то, что она курит.

Нам мама пыталась внушать «правильные» установки несколько исподтишка, стараясь не нарушать границы нашей личной жизни и ничего не навязывать. Считала, что наши дела – это наши дела, решать их мы должны сами и что постоять за себя должен уметь каждый. Она учила нас не спорить со старшими, а лучше извиниться и уйти, даже если считаешь, что ты прав. Так что ябедничать и жаловаться ей было бесполезно: ещё тебе же попадёт. Разумеется, если это не касалось чего-то серьёзного.

У нас было много книг, энциклопедий и атласов. Мама обожала читать: ещё в школе её не раз во время урока обнаруживали под партой с книгой в руках. И я, вставая в туалет посреди ночи, не раз заставляла её за чтением. Особенно она любила детективы и книги по истории.

Иногда мама занималась с Машей с уроками: писала ей сочинения, помогала с рисованием, поделками, а также с черчением. Помню, они раскладывали наш стол-книжку и допоздна чертили, чертили...

Мне мама рисовала всякие таблицы с правилами и вешала на самое видное место, писала мне пересказы текстов, чтобы я их учила, и решала со мной задачи. Пересказы писала, потому что я не умела анализировать прочитанное и выделять из него самое основное: мне было проще вы зубрить. А задачи мне вообще не давались вплоть до старших классов. Мама со мной билась, билась – без толку. Моя стихия была – уравнения и примеры.

Вопросы типа «Откуда берутся дети?» мама обсуждать, вероятно, стеснялась, поэтому ей было проще при их возникновении сунуть нам «Детскую сексуальную энциклопедию» для самостоятельного изучения интересующего предмета. Хотя «энциклопедия» – это слишком громко сказано: так, скромная брошюрка советского образца с анатомическими картинками.

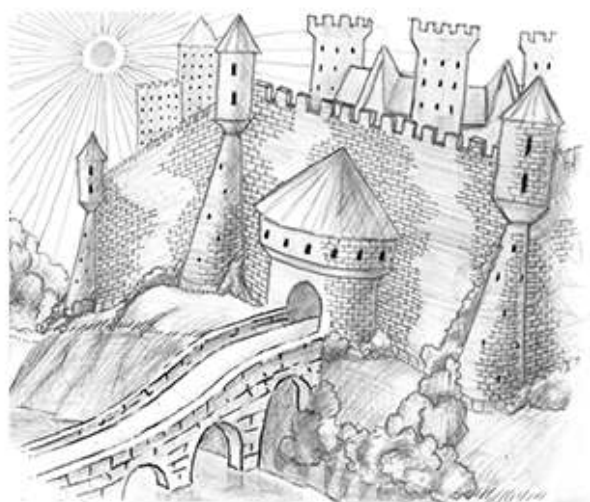
Впрочем, недостатка в сих познаниях у нас не было: в девяностые годы целыми днями крутили зарубежные «мыльные оперы» и мы в нашем женском царстве постоянно их смотрели. По выходным приходил черед «ужастиков»: «полтергейсты», «Чужие», «Пси-фактор», «Секретные материалы» – и мама всегда морщилась: «Опять свои страсти будете смотреть!» Ложилась... и смотрела с нами. А куда деваться: телевизор-то в

её комнате стоял. Когда я под это дело засыпала, она меня относила в постель.

Зимой мама часто возила меня на школьный двор: там была огромная горка, с которой она меня сталкивала. Чтобы снег при падении не забивался мне под одежду, мама сшила для меня комбинезон из своей старой шубы. Он меня всю защищал, я была как медведь. Как-то я едва не улетела в открытый люк.

Ещё были редкие зимние походы в церковь – даже не знаю, на какой праздник. Вставали затемно и ехали на трамвае в какой-то круглый белый храм, потом стояли в толпе людей. Из всей службы я помню только как смотрела снизу вверх на многочисленные спины прихожан. Мама была практически неверующей, как и вся наша семья, но зачем-то иногда меня туда водила: наверно, на всякий случай. Она всегда говорила, что верит в некую Сущность, которая руководит миром. Но не в церковь. Также она верила в НЛО и утверждала, что не раз самого его видела.

Не без сожаления стоит сказать, что меня возили также по экстрасенсам и всевозможным целителям – совершенно бестолковым дядькам – и давали пить «заряженную» воду. Эффект был, разумеется, нулевым – если не отрицательным. Мамина вера в подобное лечение проистекала из того, что её бабушка умела заговаривать. В юности мама, по её словам, страдала головокружением и без конца падала в обморок. Как-то это случилось при моей прабабушке. Та над ней что-то пошептала, и обмороки прекратились, хотя голова болела часто.

Рисунки Ларисы Николаевны

Часть 4

Осенью были субботники, когда всем двором убрали листву и жгли костры. Зимой чистили двор от снега. Мама активно принимала в этом участие. Запах костров до сих пор ассоциируется у меня с тем волшебным временем, когда не было забот и все были вместе, как семья.

Летом я пребывала в блаженной иллюзии, что гуляю без надзора, потому что мама выносила мой велосипед и уходила домой. Она делала все, чтобы дать мне почувствовать свою самостоятельность и независимость. Но, как я потом поняла, Маша с подружками не случайно всегда зависали где-то рядом, делая вид, что меня не видят: это мама её заставляла бдить за мной. Какая я была наивная!

Также мы ездили купаться на пруд. С нами ездил кто-то из соседей и Машкиных подруг. Мы ехали на трамвае, потом на автобусе – с одеялами, кругами, игрушками и прочими вещами. Сборы в поездки и на мероприятия всегда были очень нервными, зато уже там все проходило гладко и весело.

Плавала мама неплохо. Учил её плавать отец, причём очень по-спартански: просто брал и бросал в воду с берега. Она, бывало, оставляла меня плескаться под присмотром старших девочек, а сама доплывала до другого берега. Правда, из-за проблем с сердцем она нечасто себе такое позволяла.

Как и многих творческих людей, маму нельзя было назвать спокойным человеком. Характер у неё был неуравновешенный и взрывной. Она часто на нас кричала, особенно Маше доставалось: они постоянно конфликтовали друг с другом, мечта громы и молнии, а я была меж ними. Мне попадало то от одной, то от другой.

Впрочем, со мной мама немного «придерживала коней» и особо никогда не била. Думаю, со мной она просто боялась не рассчитать силы и нечаянно меня прибить или вконец искалечить мне психику, потому что я и без того была чересчур ранимая, часто плакала и от одного неверного взгляда у меня сразу поджимались губы (спастика). Мама, кстати, меня этим часто зло дразнила: ей не нравилось, что я так все близко к сердцу принимаю. Мне было вдвойне обидно. Она иногда очень умело «придавливала» меня морально так, что и ремня не нужно было. Но делала это не специально, не из какого-то садистского удовольствия – так уж выходило... Она всегда жалела о поступках, содеянных в результате своей несдержанности, это чувствовалось.

На Машу психологически было сложнее воздействовать, поэтому мама её била ремнём. Помню, после своего дня рождения сестра пошла провожать подругу и пропала. Было уже поздно, темно, мама вся извелась. С преступностью тогда было все очень неблагоприятно: у нас в подъезде часто валялись шприцы, вокруг какие-то истории мрачные ходили. В

конце концов, мама стала в панике бегать по всему району в поисках дочери. В итоге выяснилось, что Маша зашла на обратном пути к подруге из соседнего подъезда и все это время была у неё. Ей тогда и ремень достался, и под «домашним арестом» сидела – за то, что не позвонила и не предупредила.

Но Маша была девочкой упрямой и «не прогибалась», хотя тоже старалась что-то скрыть, что-то сгладить. В целом мама очень ею гордилась и за глаза, когда дочь не слышала, всегда хвалила ее независимость, ум, упорство и умение находить со всеми общий язык. Мама не ходила на школьные родительские собрания и ни во что не вмешивалась, но требовала хороших оценок в конце четверти.

Бывало, и со мной мама не сдерживалась. Особенно запомнился случай, когда я со всей силы стукнула бедную спящую Машу по лбу деревянными счетами, потому что будильник прозвенел, а она не просыпалась, и я просто хотела ее разбудить. Мне тогда здорово, конечно, досталось. Но все-таки чаще иерархия соблюдалась: мама бьёт Машу, а та бьёт меня.

Несмотря на весь этот негатив, в маме было много хорошего. Ей чужда была хитрость или скупость, она могла запросто дать денег в долг – при этом мы сами никогда без средств не оставались. Очень умело распоряжалась деньгами: у нее ни одна копейка не пропадала. Никогда не брала кредитов и не занимала, предпочитая сначала накопить, потом тратить. У

мамы всегда была финансовая подушка безопасности – она не представляла жизни без заначки. Но на что-то нужное деньги тратила легко, говоря, «чем легче отпускаешь деньги, тем быстрее они возвращаются обратно».

Несвойственно маме было и жаловаться «на всех и вся», как, бывает, жалуются люди: на жизнь, власть, безденежье и прочее. Она не склонна была жить прошлым, не говорила, что «а вот раньше было лучше», жила в настоящем и, если не была чем-то расстроена, говорила «все у нас слава Богу, все хорошо». Мама всегда помнила, что кому-то ещё хуже, и в целом была оптимистичным человеком.

Возмущение и злость у мамы, как правило, вызывали конкретные люди, с которыми приходилось сталкиваться: например, чиновник, не желающий выписывать какую-то бумажку, халатные врачи. Часто сердилась она на деда и на нашего отца.

По факту, в девяностые годы мы находились за чертой бедности, но при этом лично у меня почему-то не осталось ощущения, что мы были «бедными». Да, еда, одежда и игрушки у нас были самые простые, мама экономила на себе, но кусок хлеба всегда был, и это было главным. Хотя, конечно, иногда мама проговаривалась подругам, что денег мало, что приходится буквально из воздуха их доставать. Да, я иногда любила подслушивать взрослые разговоры...

Но вообще, мама считала, что детям дорогая одежда, например, ни к чему, ведь в ней ни по деревьям ползти, ни в лужах искупаться. Сама же, по её словам, была настоящим сорванцом («засранкой», как сама себя называла). Любила лазать по деревьям: бабушка Аня часто искала дочь, задрала голову кверху: типа, на какой ветке нашей огромной черешни она сидит... Однажды её по посёлку даже с вертолётками разыскивали, а она в это время дома под столом сидела и понятия не имела, что её ищут. Мама часто любила прятаться под столом и что-то там вытворять. В другой раз взяла ножницы и решила себя чуть подстричь. В это время бабушка Аня на этом столе белье решила погладить... В общем, когда бабушка её увидела, утюг вылетел у неё из рук и плюшевым шторам, висевшим у стола, пришёл конец. Ох и досталось же маме... когда её поймали.

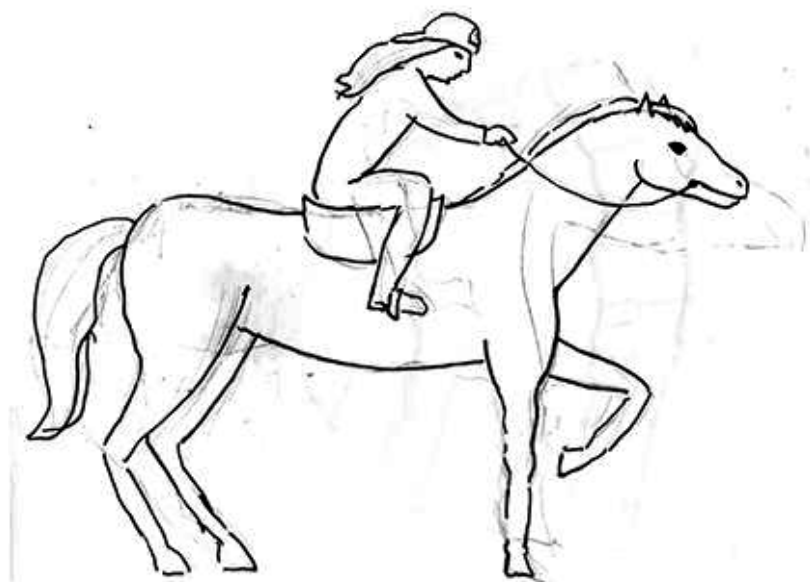
Одно время в нашей квартире царил самый настоящий мини-зоопарк. Дабы меня стимулировать заниматься лечебной гимнастикой, нам с Машкой торжественно пообещали животных, если я встану на ноги. Я встала – и у нас сначала появился кот, потом ещё кот, потом кошка (не одновременно, конечно – первый кот пропал, следующий тоже куда-то делся). Кошка родила пятерых котят, потом появились две декоративные крысы-сестры, хомяк, мышка, рыбы, тритоны в банках, ящерицы, галка, попугай и прочая живность.

Маша всегда мечтала о собаке, но мама была против, так как, во-первых, боялась глистов, а во-вторых, знала, что выгуливать животное никто не будет. Из-за отсутствия собаки сестра тащила в дом все, что могла. Мама находила дохлых тритонов под ковром, а один – живой – почему-то с полки на неё упал. Как-то осенью Маша принесла много божьих коровок в трёхлитровой банке, поставила на полку, а весной они проснулись. Мама громко кричала и гонялась за ней с ремнём.

Но щенок у нас какое-то время все же жил: с ним была целая история. Он был один из пяти несчастных братьев, которых утопили и закопали. Дети нашли «захоронение», откопали, а там один щенок — живой. Куда его девать? Конечно, доброй тётке Ларисе – она беднягу не выкинет.

Потом, постепенно, животных у нас не стало: имевшиеся куда-то делись, а новых Маша больше не тащила – охладела. Щенка мы отдали деду в гараж, т. к. он грозился вырасти в большую собаку. Крысы, хомяк и мышка скончались, котят раздали, кошку переехала машина – прямо в день Машкиного выпускного. Таким образом, остались только тараканы.

Вот так мы дожили до моих девяти лет. Не могу сказать, что все было безоблачно, однако оптимизм преобладал. Я ходила, разговаривала вполне сносно, постепенно улучшался мой навык письма; мама уже собиралась выйти на работу. Но потом что-то пошло не так...

Рисунки Ларисы Николаевны

Часть 5

После девяти лет я перестала ходить. Это был удар – особенно для мамы. Столько сил – и все впустую. Это было невозможно постичь. Маме всегда говорили, что я – её крест, а она при этом театрально закатывала глаза. Однажды в центре социального обслуживания, куда она меня отводила на дневной стационар (мне было лет четырнадцать), психолог для родителей пожелал с ней пообщаться. По окончании их разговора мама вылетела стрелой из его кабинета в негодовании и возмущении. Оказалось, психолог предложила ей сдать меня в интернат. С тех пор психологов она обходила стороной.

Вначале у меня начала подворачиваться нога. Затем – подламываться. Я стала падать чаще и чаще, а через два месяца перестала ходить совсем. Помню, в какой-то эгоистичной истерике я лежала на кровати и говорила, что хочу умереть. А мама тайком плакала на кухне. Такая веселуха.

Почти три года она со мной лежала в больницах – и в тульских, и в московских. Там меня тщательно обследовали, пытаясь выяснить причину ухудшения. Делали МРТ, проверили всю, с макушки до пят, но ничего не нашли. Наконец сошлись на том, что всему виной перестройка женского организма в связи с наступлением переходного возраста. То есть была бы я мальчишкой, такого бы не случилось: у них все более плавно

проходит. Что ж, ещё в детстве я жалела, что не родилась мальчиком.

Врачи обещали, что к восемнадцати годам все утрясётся, надо лишь подождать... Поначалу мама пыталась возобновить наши давно забытые тренировки, но я была уже слишком большая, и она многое со мной не могла делать из того, что делала раньше. Оптимизм ей изменил: у неё начала развиваться депрессия, она стала медленно угасать. Это был незаметный для моих глаз процесс, продлившийся около тринадцати лет. Меня больше не заставляли делать упражнения и оставили в покое, хотя периодически укоряли за лень.

Потом мы уговорили деда обменяться квартирами, потому что он жил в доме с лифтом. Правда, там тоже были свои сложности: квартира располагалась на девятом этаже, а лифт доходил лишь до восьмого: на нашем этаже было машинное отделение. Плюс к этому на первом этаже был небольшой пролёт, который тоже надо было преодолеть. Но, так или иначе, один этаж или даже полтора – это не пять.

Дед, конечно, не хотел уезжать оттуда, где было прожито много лет. Мы уже собрали коробки, и вдруг он заупрямился. Но, в конце концов, уступил. Зато Маша наотрез отказалась переезжать и стала жить с дедом.

На новом месте было просторнее. Мне выделили комнату, постепенно мама оклеила её яркими обоями с бабочками и частично фотообоями на морскую тему. А сама

обустроилась в другой комнате – она очень любила уединение. Так потекла наша жизнь: мама в одной комнате либо на кухне, а я – в другой. Мама почему-то чаще была склонна дистанцироваться от меня, и я никогда не могла понять: то ли она сама нуждается в одиночестве, то ли не хочет навязывать мне своё общество. С детских лет я знала, что ей нужно время от времени отдыхать от всех, поэтому старалась ей не мешать.

Часто по вечерам мы вместе разгадывали кроссворды или сканворды или говорили о всяких научных и псевдонаучных открытиях. Мама была любознательным человеком, интересовалась историей, астрономией, географией и многим другим. Наш географический атлас был всегда у неё под рукой, а её любимым каналом был National Geographic. У мамы было много журналов: «Вокруг света», тот же National Geographic, «НЛЮ». Она часто чертила мне какие-то схемы, пытаясь что-то объяснить, и мы вдвоём сидели и размышляли над чем-то. Я легко увлекалась мамиными идеями. Жаль, компьютер и Интернет она так и не освоила, а то бы у неё было намного больше ресурсов для познания.

Иногда, под настроение, мама рисовала. Так, набросками, «на коленках». В каждой книге можно было найти закладки с ее рисунками, написанными по какому-то внезапному вдохновению.

На новый год она любила украшать мою комнату всякими самодельными поделками: бумажными снежинками,

гирляндами и подвесками, а также ёлочной мишурой. И даже купила мне маленькую ёлочку – специально для моей комнаты. Конечно, у нас была ещё большая ёлка, которая стояла в зале.

Когда соседи решили обновить краску в подъезде, мама разрисовала стены, пол и перила нескольких этажей узорами: наш и на два этажа ниже – но на чужих этажах разрисовывала менее активно. Вроде никто не жаловался.

Любимые мамины цветы были тюльпаны, а любимый цвет – бирюзовый, зелёный. Но со временем она стала предпочитать коричневые цвета – очевидно, это было связано с усиливающейся депрессией.

Помню, был большой скандал у мамы с дедом, когда она покрасила в ванной с туалетом пол и стены над белым кафелем в синий цвет и нарисовала белые силуэты цветов. «Никто не красит стены в синий цвет!» – разорялся дед так, словно она и впрямь совершила что-то поистине ужасное. То же самое было, когда мама обклеила потолок в коридоре темными обоями в стиле переплетения древесины и растений. Она часто говорила, что хотела бы жить в лесной хижине. «Потолок должен быть белым!!!» – рычал дед. Получилось на самом деле неплохо: белые обои на стенах с более темным потолком зрительно расширяли узкий коридор. Но дед был человек «советского образца», эти новшества были ему чужды, тем более что, хоть мы и поменялись квартирами, он по-прежнему считал эту квартиру своей, о чем нам постоянно напоминал.

Иногда нам с мамой приходилось уходить из дома, пока разбушевавшийся дедуля не уедет, дабы не случилось смертоубийства. Но я точно знаю: и он нас любил, и мы его – в глубине души. Где-то очень глубоко. Сейчас его уже нет, но я по нему даже скучаю. Почему-то всегда легче помнить о человеке хорошее, как бы ни были сложны отношения при жизни.

Мама старалась гулять со мной почаще, насколько это было возможно. Где-то до 17-18 лет летом я гуляла с велосипедом: она меня отпускала, и я каталась в нашем дворе или в соседнем, где дорога была относительно ровной. А сама шла домой или в магазин. Потом полтора этажа стали для неё непосильными, хотя на руках она меня не таскала: я обхватывала её за шею, и мы потихоньку спускались и поднимались. Ей тяжело было спускать сначала меня, потом велосипед – он был громоздкий и с трудом влезал в лифт.

Мы обижались друг на друга: какое-то время я вообще отказывалась гулять; а ей было обидно, что в хорошую погоду я сижу дома (это было её пунктиком). Короче говоря, хотела я этого или нет – а пришлось полностью пересест в коляску (до этого я соглашалась на неё гулять только зимой). Мама даже приноровилась скатывать коляску вместе со мной по ступенькам.

Она старалась компенсировать мне невозможность кататься на велосипеде разнообразными прогулками по нашему

району и по магазинам. Мы часто ездили на большой рынок «Хопер». Там одна женщина торговала книгами по низким ценам. Это был настоящий книжный клад! Их в том развале было так много, что мы с мамой часами там копались. Мама постоянно выискивала книги – и нам, и деду. Помню, я как-то обмолвилась, что существуют электронные книги (ридеры), и вскоре она совершенно неожиданно преподнесла мне этот подарок, который в моем понимании был просто драгоценностью. Эта книга много испытала в моих руках и пережила маму... К сожалению, ненадолго. Я пыталась ридер починить – не хотела, чтоб столь ценный мамин подарок был утрачен: все-таки память есть память. Но современные гаджеты весьма недолговечны...

Однажды произошёл очень неприятный случай. Как-то мы шли от СПАРа, когда уже темнело: мы часто выходили после захода солнца. И вот в тот раз за нами увязался сосед из другого подъезда: молодой парень, лет 25. В принципе неплохой, но, увы, «без царя в голове». Кажется, у него была то ли онкология, то ли ещё что-то серьёзное. Вообще он с нами всегда нормально общался, а тогда был подвыпивший. Сначала нёс какую-то околесицу, периодически пытаясь вырвать у мамы мою коляску, но мама не давала. Она пыталась вести себя осторожно и миролюбиво, хотя ей явно было не по себе. Сосед шёл с нами, шёл, а потом достал перочинный ножик. Я не думаю, что он на самом деле хотел нам сделать что-то дурное,

но ситуация была страшная: темно, народу почти нет, мы с мамой, обе побелевшие, косимся на этот нож... «Ножик-то спрячь» – неоднократно пыталась она его урезонить. Но – безрезультатно. Казалось, парень упивался тем могуществом, которое давал ему этот нехитрый инструмент. Когда мы уже подошли к подъезду, сосед не отстал – ко мне начал лезть. А у меня уже истерика на подходе. Мама меня ласково обнимает сзади, сама дрожит и приговаривает как-то очень жалобно: «Когда ж ты нас уже отпустишь?» Не помню, как он ушёл: то ли сам, то ли кто-то из подъезда вышел... Да, кажется, соседка вышла, и у парня что-то перемкнуло в голове. Повторюсь, он был неплохой, но дурной. Хотя мы и жили в одном доме, больше никогда его не встречали, но после этого случая я очень долго боялась выходить – особенно под вечер. Однажды мы этого соседа увидели издалека, но он, лишь завидев маму, поспешно скрылся. Наверно, стыдно стало.

Мамино здоровье всегда, сколько я её помню, было хрупким: она часто страдала головными болями, у неё болели почки, были проблемы с зубами. То её мучил панкреатит, то пиелонефрит, то ещё что-то. Она была метеозависима. После того как я перестала ходить, все это усугубилось. Но врачей мама не переносила, поэтому редко к ним обращалась, предпочитая «отлежаться». В течение нескольких лет у мамы раз в полгода случался приступ острого панкреатита: она два-три дня лежала, практически не вставая. Только вечером она в

такие дни, бывало, соберётся с силами, погрееет мне суп и снова ложится.

С подобными болезнями, как правило, идут в больницу – и маме не раз об этом говорили. Но чем хуже ей было, тем негативнее она реагировала на такие разговоры. Просила оставить её в покое. Мама просто не умела общаться с врачами: не доверяла им, боялась неверных диагнозов, неприятных слов... Многие сталкивались с равнодушием, хамством врачей – мама очень болезненно переносила такое обращение. Тем более что, занимаясь моими делами на протяжении долгих лет, ей пришлось со многим столкнуться и много чего наслушаться.

Когда мне было лет десять и мама пошла к врачу, ей сказали: «Готовьтесь, вам осталось два года». С тех пор она ходила к врачам только по моим вопросам. Два года растянулись на пятнадцать лет. Мама очень боялась меня оставить. У неё перед глазами были печальные примеры, когда люди ложились в больницу и больше оттуда не выходили. В ней жил страх, что после её смерти я останусь одна, никому не нужная, и меня сдадут в интернат.

Ещё мама безумно боялась стоматологов, поэтому запустила зубы: они все у неё почти разрушились. Мама все собиралась заняться зубами, но так и не собралась. Мы с Машей, решая, что ей подарить на тот или иной праздник, даже обсуждали в шутку зубные протезы в качестве подарка.

Вопреки сложившемуся, возможно, образу, я считаю маму сильным и мужественным человеком. То, что перенесла она, с её ранимым характером, легко могло бы сломить кого-нибудь другого, но не маму. В целом она всегда была на позитиве. Ещё она любила поговорить. Учителей моих мама часто задерживала разговорами на различные темы: об истории, науке и многом другом. Не знаю, как другим, а мне было интересно её слушать.

А под конец жизни мама была совсем морально истощена, словно гранитная плита её придавила. Но она держалась, в явное уныние не впадала.

Когда мы гуляли, мама видела, что меня считают её придатком, ребёнком, который ничего не смыслит, и при

Маша

Даша

каждом удобном случае гордо замечала, что я учусь в институте. Она постоянно искала повод погордиться своими дочерьми.

Мы с Машей с детства слышали от неё о том, какое значение имеет образование и что оценки особой роли не играют, но «корочку» иметь надо. Помню, как, защитив диплом, я ей позвонила (я уже жила отдельно). Она так обрадовалась, что в течение часа я получила ещё несколько неожиданных звонков с поздравлениями от родственников и друзей, которым мама не замедлила похвастаться моими успехами. Я тогда ещё и подумать не могла, что через три месяца её не станет.

Толстых Николай Павлович

Толстых Виктор Николаевич

Толстых Лариса Николаевна

Часть 6

Шли годы, я видела, что мама болеет, гуляли мы все реже. Все усугублялось тем, что я полностью от неё зависела в бытовом плане, это наверняка очень на неё давило. К врачам она по-прежнему отказывалась идти наотрез. Даже сказать ей об этом было невозможно – все подобные разговоры принимались в штыки.

Но однажды все в нашей жизни резко изменилось: я начала встречаться с парнем Денисом и, в конце концов, постепенно уехала жить в его семью. Вот так бывает. Когда он к нам поначалу приходил, мама на него конечно косилась – он ей не особо нравился, но и против него она не выступала. Вообще, когда ко мне или к Маше кто-то приходил, мама ни слова не говорила и никогда не торопилась ни с кем знакомиться, никогда ни о чем не расспрашивала. Ей было далеко не все равно, просто её родители во все вмешивались, а она считала это неправильным.

Мама часто вспоминала, как однажды в молодости писала сердечному другу письмо. Её отец это увидел, начал расспрашивать, а потом вообще стал ей диктовать, что и как нужно писать. Это навсегда отбило у неё охоту лезть в чужую жизнь и писать письма.

Иногда Денис оставался на несколько дней, в течение которых она ходила по дому «на цыпочках», боясь к нам

лишний раз зайти. Присутствие в доме длительное время посторонних всегда маму напрягало, поэтому, когда Денис однажды у нас задержался дольше обычного, она мне очень нелицеприятно высказала своё возмущение. Мне всегда не нравилась её привычка замалчивать своё недовольство до поры до времени, а потом лавиной на тебя обрушивать. Приходилось постоянно оглядываться на маму и гадать: нравится ли ей то, что я делаю, или нет. Это рождало неуверенность и страх. Тем более, в отношении меня такое поведение не имело смысла: я всегда готова была идти на компромиссы. Видимо, вначале она хотела быть «мировой мамой», а потом терпение резко кончалось. В маме всегда как будто существовали два человека: та, какой она хотела быть, и та, какой она была.

Когда меня позвали в первую поездку, я была уверена, что мама поедет со мной – а как иначе? Ведь она всю мою жизнь была рядом, за исключением тех дней, когда в детстве меня дед или отец забирали к себе. Она же поддержала меня, купила все что нужно, но ехать со мной отказалась наотрез. Я даже обижалась на неё – думала, что это своего рода шантаж: что так, неявно, она пытается меня удержать, а открыто отказать не решается. Незадолго до кончины она призналась мне, что очень боялась меня отпускать, но знала – так было надо, так было правильно.

Казалось, что наступило благоприятное время, когда мама, избавившись на некоторое время от хлопот обо мне,

сможет отдохнуть и восстановить силы. Но ситуация снова изменилась: Маша вышла замуж, и деду не осталось ничего другого, как переехать к нам. После этого обстановка дома стала гнетущей и мрачной. И винить в этом было некого: как бы мама и дед ни старались мирно сосуществовать вдвоём, накопленный багаж обид делал своё дело.

Хотя дед, перенеся insult, уже не был прежним: его горор поутих, в нем чувствовалось смирение. Ему уже не хотелось кого-то учить жить, ему хотелось самому жить спокойно. Но он пожал то, что посеял, увы... Его даже было жаль. Вечерами, когда я приезжала домой и приходила к деду в комнату, мы разговаривали. У него был мини-телевизор, и он постоянно что-то слушал через наушники. Мы беседовали о политике, об Украине, об американцах, о маме и о том, как после insultа ему тяжело читать. С мамой сложно было так говорить: после переезда деда к нам она была как натянутая струна – более, чем обычно. Её дверь часто была закрыта на замок, потому что дед не мог научиться стучать.

Критический период, ведущий к печальному концу, начался за полгода до этого. Я приехала к маме и деду и увидела, что мама как-то особенно плохо себя чувствует. Это могло быть обострением одного из её хронических заболеваний. Но нет – обострения проходили, а это состояние продолжалось. В последний раз, когда мы с мамой гуляли – это было перед резким ухудшением, – она с трудом катила мою коляску, хотя

снега ещё не было. При этом тяжело дышала. Но она бодрилась. К этому моменту у Маши уже появился сын Ванечка, и мама постоянно что-то покупала внуку. Вот и в тот раз мы обошли все детские магазины близ нашего дома. Ваня был для мамы светом в окошке, она часто просила меня показать его фотографии в «Одноклассниках» и на флешке. Когда мама вспоминала о внуке, её глаза светились счастьем, и мама с упоением и с гордостью рассказывала о нем окружающим.

Я думала, что рано или поздно плохое самочувствие вынудит маму пойти к врачу. Когда она стала падать на улице, стало понятно, что с этим надо что-то срочно делать. Мы наконец сделали то, что надо было сделать пятью годами ранее: сами ее записали к врачу и поставили перед фактом. На нас после этого обрушилась буря негодования, конечно, но она пошла к специалисту. Врач уже после первого осмотра все поняла, но маме о тяжёлом диагнозе не сказали.

Потом маму положили в больницу, и там она все узнала – да и то, как она сама выразилась, после собственного небольшого расследования. Когда тётя Таня, мама моего молодого человека, пришла к моей маме в больницу, та ей рассказала об онкологическом диагнозе и попросила не говорить мне, пока это возможно. Вероятно, расстраивать не хотела – не знаю.

Ещё мама призналась тёте Тане, что больше всего в жизни жалеет о том, что «не сумела сдружить своих девочек». Я

вообще часто слышала, как она кому-то говорила, что всегда боялась внушить Маше ненависть ко мне. Поэтому практически никогда не было такого, что на сестру мать кричит, а со мной сюсюкает. Если мать злая, то она на всех злая. И все тут. Хотя, наверно, были исключения, но очень редко.

Маму выписали, но через некоторое время ей снова стало плохо, её увезли на скорой в больницу им. Семашко с кровотечением. На следующий день Маша поехала к ней с вещами. Вышла врач, сообщила, что у мамы рак шейки матки и что Маша должна ей сказать об этом (очевидно, будучи не в курсе, что мама уже об этом знает). Через день мама позвонила и сказала, что её выписывают. Маша с мужем приехали за ней, и, когда шли к машине от больницы, мама сказала: «Маша, ты знаешь, у меня этот рак нашли». И попросила не говорить мне и деду.

Записались в онкодиспансер, там дали направления на разные анализы. Собирали их долго: везде очереди на запись, особенно долго ждали цистоскопию. Мама её очень боялась; Маша говорит, что мама вообще панически боялась любой боли. В это время я к ней приехала, она мне говорила, что её вот-вот снова госпитализируют, что ей надо подлечиться...

– Я с тобой даже погулять не могу, – сетовала она.

Только вот лечить там было уже нечего. При этом мама уже была не такая, как раньше: она была спокойная, от неё веяло смирением, она приняла случившееся без ропота. Вот

чего в нас всех, вероятно, всегда недоставало: смирения. Думаю, отсюда мамино постоянное нервное состояние. В ней жило множество страхов, она слишком часто на себя злилась, не умела отпустить ситуацию. Вообще, мне кажется, у мамы была неоправданно низкая самооценка.

Наконец, все анализы для онкоцентра были собраны. Посмотрев их, врачи решили, что химию делать не будут: мама быстрее от неё умрёт, чем от рака. Когда она вышла из кабинета, Маша задержалась и спросила доктора, сколько маме осталось жить. Ответ был: около года. Было 21 июня. Маша не сказала ей об этом прогнозе.

Мама с Машей вышли из больницы, рядом была детская площадка, где их ждали Лёша, муж Маши, и Ваня. Ваня лазил по лестницам и катался с горок. Мама, несмотря на то что ей было плохо, играла с ним и ловила его с горки. Потом маме стало совсем нехорошо, она посидела на лавке на солнышке, и Маша с Лёшей отвезли её домой.

В тот вечер я ей позвонила. Мы с Денисом как раз вернулись из палаточного похода, и я не имела никакого понятия о том, что происходит. Думала, мама активно лечится... Подозревала, конечно, что у неё рак, но не четвертой стадии: это мне даже в голову не приходило. Мама взяла трубку, силилась говорить, но не могла. Я испугалась, стала у Маши допытываться, в чем дело. И тут выяснилась вся правда.

Приехав к маме через два дня после этого, я увидела какую-то другую маму. Внешне она мало изменилась, хотя конечно похудела, но в её облике появилась отчётливая печать болезни, которая уже не пройдёт. Это был последний раз, когда я с ней разговаривала. С моей мамой. Она ходила, практически все осознавала, но она была д р у г а я. Накануне ночью она зачем-то ушла к соседям в полубессознательном состоянии. Вначале, когда я только вошла в квартиру, мама очень испуганно смотрела на меня: ей все казалось, что у меня лицо в пятнах. Я её заверила, что это не так, и она призналась, что у неё какое-то изменённое сознание. Она странно улыбалась, словно боялась меня напугать и отчаянно пыталась продрагаться сквозь туман в сознании к реальности, пыталась казаться нормальной.

Наверное, мы с мамой никогда так откровенно не разговаривали, как в тот день. Впервые в жизни я чувствовала, что ей можно сказать все. Я успокаивала её, говорила, что у меня все нормально, что я в надёжных руках. Уверяла её, что она ещё поправится... Очень жаль, что я не запомнила всего, что мама мне сказала в тот день. Кроме того, что на самом деле рак не настолько страшен и что все случившееся было правильным. Тогда же мама объяснила, почему ушла ночью: «Мне стало холодно, я и пошла... Меня там чаем напоили, я согрелась».

В тот день она хотела отдать мне некоторую сумму денег. Подозреваю, что это были алименты, которые отец перечислял на её сберкнижку: видимо, все эти годы она их почти не тратила. Дед протестовал, говоря, что меня обворуют по дороге, но мама никак не могла успокоиться, пока я её не заверила, что заберу деньги. Для неё это было очень важно. Я притворилась, что забрала деньги, оставив их зачем-то в шкафу.

Уезжая, я обещала чаще приезжать, а мама все улыбалась и поддакивала мне, видимо, зная, что видит меня в последний раз. Дед был подавлен.

После этого мама впала в забытие, слегла и больше не вставала. Вообще говоря, её подкосило осознание того, что болезнь неизлечима. Она упала духом, потеряла надежду. Маша читала много всяких статей, пыталась найти альтернативные методы лечения. Даже купила какие-то растительные тибетские таблетки за сумму, которую страшно озвучивать. Короче, пыталась отыскать волшебную таблетку, которая спасёт маму, надеялась на чудо. Но чуда не произошло. По совету знакомой, прошедшей через эту болезнь, я предлагала везти маму в Обнинск, так как там очень хороший онкологический центр, но Маша отреагировала негативно: мол, куда она сына денет, он маленький совсем. Думаю, дело в том ещё было, что мама уже не хотела ничего, не надеялась ни на что и болезнь прогрессировала с огромной скоростью.

Приехал дядя Витя, и они с дедом ухаживали за мамой. Ей наняли сиделку, потому что Машу она стеснялась и не позволяла той до себя дотронуться. С чужим человеком ей было проще. Иногда я приезжала, сидела около мамы и тихонько звала её – она отзывалась, но потом снова проваливалась в забытие. То лежала спокойно, то беспокойно металась. Тогда я не задумывалась над этим вопросом, а сейчас спрашиваю себя: нашла ли мама упокоение перед уходом? Простила ли всех, на кого держала зло и обижалась?

21-го июля вечером мне позвонила Маша и сказала, что мамы не стало. Вместо обещанного года она прожила ровно месяц. В тот день, утром, сестра приезжала к ней с Ваней. Мама лежала с закрытыми глазами, и дядя Витя сказал, что она совсем не говорит и не открывает глаза.

Маша зашла с сыном на руках и сказала: «Мама, здравствуй, а мы тут с Ваней к тебе в гости пришли». Через минуту мама вдруг приоткрыла глаза, посмотрела на них и сказала: «Ванечка». Потом закрыла: на большее не хватило сил. Это были её последнее слово и последний взгляд. Больше она в сознание не приходила – во всяком случае, глаза не открывала и не говорила. Маша с Ваней немного посидели и уехали. Потом у мамы начались боли, дядя Витя сделал ей первый и последний наркотический укол, чтобы она не страдала. Вечером мама умерла – отказали почки.

Через некоторое время после похорон дед лёг в госпиталь на профилактическое лечение, а я приехала домой: нужно было вещи перебрать, так как квартиру было решено продать. С перемещениями мне волонтеры иногда помогали и помогают до сих пор. И вот я сижу в своей комнате в пустой квартире, и мне вдруг явственно показалось, что если я маму сейчас позову, она непременно придёт и скажет: «Погода хорошая, одевайся и пойдём гулять». Что не может быть, чтобы она не пришла – ведь она всегда приходила. Я позвала. И представляете – мама не пришла.

Эпилог

Надо что-то написать в завершении...

Больше всего я благодарна мамушке за то, что она не ограничивала мою свободу, научила внутренне полагаться на себя и личным примером показала, что физическое одиночество – не страшно. Это очень важно, это помогает мне сейчас, поддерживает.

Многие родители запирают детей с ДЦП дома, ограждая любимых чад от опасностей, тем самым лишая возможности

хоть как-то приспособиться к жизни. Надо помнить, что многие ограничения существуют лишь в нашей голове, и мама сумела воспитать меня так, чтобы этих ограничений было в моем сознании как можно меньше. Она без проблем отпустила меня во взрослую жизнь, ни разу ни единым словом не упрекнув, что я так легко от неё уехала.

Когда-то, в ноябре 2001 года, о нашей семье написали в газете «Слобода», которую мы в то время покупали каждую неделю. Тогда мама сказала репортёрам: «Вообще, у нас в жизни все хорошо. У меня умные, самостоятельные дочери. А значит, как мать я состоялась».

Оглавление

Предисловие.....	3
Часть 1.....	6
Часть 2	12
Часть 3	24
Часть 4	33
Часть 5	40
Часть 6	51
Эпилог	61
Оглавление	63

Дарья Жолобова

Терпение и труд всё перетрут....

Авторское редактирование

Подписано в печать 11.05.2021
Формат бумаги 70x100 ^{1/16}. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ 071к

Отпечатано в Издательстве ТулГУ
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95